

С. А. Фомичев

ПУШКИНСКАЯ
ПЕРСПЕКТИВА

ЗНАК
Москва
2007

ПЕРВАЯ ПОЭМА ПУШКИНА

О поэме «Монах» — сначала только по названию — стало впервые известно лишь в 1863 году со слов князя А. М. Горчакова, который позже сообщил о том, что убедил юного поэта уничтожить «дурную поэму довольно скабрёзного свойства».¹ Однако автограф ее был обнаружен в 1928 году как раз в архиве Горчакова. Рукопись (ПД 861—863) состоит из трех тетрадей, каждая из которых содержит по одной песне (далее поэма, наверное, автором не была продолжена); характерный пушкинский почерк, быстро в детстве менявшийся, позволяет твердо датировать ее июнем-июлем 1813 года (бумага имеет филиграни того же года). Таким образом, поэма «Монах» предстает самым ранним произведением Пушкина из дошедших до нас. Стилистически следуя в нем традициям легкой эротической поэзии, и прежде всего «Орлеанской девственнице» Вольтера, юный Пушкин в сюжете использует коллизию, подчеркнутую в Житии Иоанна Новгородского, в основной редакции которого имеется «Слово 2-е о том же о великом святителе Иоанне, архиепископе Великого Новгорода, како был в единой нощи из Новаграда в Иеросалим град и паки возвратися в Великий Новъград тое же нощи»².

---

¹ Русская старина. Т. 40. № 10. С. 155.

² Впрочем, существует и народная легенда «Поездка в Иерусалим»: «Какой-то архимандрит встал к заутрине; пришел умываться, видит в рукомоynике нечистый дух, взял его да и загородил крестом. Вот дьявол и взмолился: “выпусти, отче! Каку хошь наложь службу — сослужу!” Архимандрит говорит: “свозишь ли меня между обедней и заутриной в Ерусалим?” — “Свожу, отче,

Впрочем, эта сюжетная коллизия развита в поэме вполне самостоя-тельно. Действие ее переносится в Подмоскovie:

Невдалеке от тех прекрасных мест,
Где дерзостный восстал Иван Великий,
На голове золотой носящий крест,
В глуши лесов, в пустыне мрачной, дикой,
Был монастырь...³

По справедливому замечанию В. С. Листова, здесь имелся в виду Савво-Сторожевский монастырь близ Звенигорода⁴.

Герой пушкинской поэмы назван Панкратием, и в его характеристике явственно проступают травестийные черты:

Наш труженик не слишком был богат,
За пышность он не мог попасться в ад,
Имел кота, имел псалтырь и четки,
Клубук, стихарь да штоф зеленой водки.
... ..
Весь круглый год святой отец постился,
Весь Божий день он в келье провождал,

свою!» Архимандрит ево выпустил и после заутрины до обедни успел съездить в Ерусалим, к обедне поспел обратно. После забрали как-то справки, — все удивились, как он скоро мог съездить в Ерусалим, спросили ево, и он рассказал это» (Народные русские легенды, собранные А. Афанасьевым. Лондон, 1859. С. 75. В примечаниях к этой легенде составитель заметил: «Перейдя в область народной литературы, сказание это, без сомнения, должно было подчиниться различным переделкам и изменениям; в устах народа появилось оно во множестве вариантов, далеко отступающих от своего первоначального источника, но тем не менее любопытных своими характеристическими подробностями»).

³ Пушкин А. С. Лицейские стихотворения. СПб., 1999. С. 14. Далее сноски на это изд. см. в тексте.

⁴ Листов В. С. Вокруг пушкинского отрывка «На тихих берегах Москвы...» // Болдинские чтения. Горький, 1980. С. 168.

«Помилуй мя» вполголоса читал,
Ел плотно, спал и каждый час молился (с. 15).

Иначе Пушкин описывает и появление беса. В Житии:

В един убо от дний святому по обычаю своему в ложнице своей молитвы ночные свершающу. Имеяше же святыи сосуд с водою стоящ, из него же умывашесе. И слыша в сосуде оном некоторого поропщуща в воде, и прииде скоро святыи, и уразумев бесовское мечтание. И, сотвори молитву, и огради сосуд крестом и запрети бесу⁵.

У Пушкина же бес (названный Молоком) сначала забирается под рясу монаха, а потом то превращается в юбку, то жужжит мухой над спящим Панкратием, внушая ему сладострастный сон, и снова предстает виденьем юбки, пока монах не обливает его освященной водой:

О чудо!.. вмиг сей призрак исчезает —
И вот пред ним с рогами и хвостом,
Как серый волк, щетиной весь покрытый,
Как добрый конь с подкованным копытом,
Предстал Молок, дрожащий под столом,
С главы до ног облитый весь водою... (с. 22)

Предложение свезти монаха в Иерусалим в поэме исходит от беса (в Житии — от Иоанна).

Самое же главное — в лицейской поэме с самого начала предвещается неминуемая победа беса над монахом:

Хочу воспеть, как дух нечистый ада
Оседлан был брадатым стариком;
Как овладел он черным клубуком,
Как он втокнул монаха грешных в стадо (с. 14).

Поэма обрывается в начале путешествия в Иерусалим. Как должны были дальше разворачиваться ее события? Для того, чтобы это представить, необходимо понять

---

⁵ Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV века М., 1981. С. 454.

сюжетообразующую функцию пушкинских отклонений от текста Жития.

Действие поэмы перенесено Пушкиным в хорошо знакомые по долицейскому детству места: Савво-Сторожевский монастырь располагался недалеко от Захарова, имения бабушки поэта М. А. Ганнибал.

Очевидно, основные события в поэме «Монах» должны были развернуться уже после возвращения героя из Иерусалима, и автор предпочитал оставаться в знакомой обстановке (Новгорода же он в ту пору не знал). Но это означало, что окончание истории о противоборстве монаха с бесом мыслилось им иначе, чем в Житии. Иоанн Новгородский, дав слово бесу никому не рассказывать о чудесном путешествии, нарушил его, и только тогда бес обочивается предметами женского туалета и предстает девицей, смущая не праведника, а прихожан, которые решают наказать блудника-архиерея. Ведут его к мосту на Волхове и сажаят на плот, дабы река унесла грешника из города, но плот со святым начинает двигаться вверх по течению, к Юрьеву монастырю, являя чудо, разоблачающее козни беса. Конечно, можно было бы вообразить нечто подобное и на Москве-реке близ Савво-Сторожевского монастыря, но в отличие от многолюдного Новгорода, узревшего небесные знамения, в поэме Пушкина изображен «монастырь уединенный». Задача беса здесь — не опорочить праведника в глазах окружающих, а совратить его самого, втолкнуть его «грешных в стадо».

Распространенный в христианских Житиях мотив о заключенном бесе восходит к сказанию о власти Соломона, запечатавшего бесов в бутылках⁶. Новгородская легенда уже далеко отступает от этой традиции, насыщаясь народно-сказочными мотивами о состязании человека с нечистыми, о взаимных их ухищрениях одолеть друг друга. Л. А. Дмитри-

---

⁶ Дурново Н. Н. Легенда о заключенном бесе в византийской и старинной русской литературе // Древности. Труды славянской академии... М., 1907. С. 54–152, 319–326.

ев справедливо отмечает в Житии Иоанна Новгородского красочность, живость изображения целого ряда ситуаций, местный новгородский колорит, что усиливает повествовательный характер Жития⁷. Все это и привлекло внимание Пушкина к данному тексту. Работая над поэмой, Пушкин углубляет и психологическую характеристику героя. Читателю понятно, что видение юбки — это не просто мираж, напускаемый бесом, но ропот подавляемой послушанием плоти, невольное проявление грешной человеческой натуры, ее «бесовского начала» такого рода, которое прорывается в чувственном сне Панкратия. Любовные мечтания чернецов получили отражение в монастырских греховных песнях, которые запоют в корчме монахи Варлаам и Мисаил в трагедии «Борис Годунов».

Ряд деталей в лицейской поэме подготавливает трагикомический финал. Едва ли случайно упомянут здесь живущий в келье монаха кот. В словаре В. Даля зафиксировано несколько пословиц и поговорок, сближающих кота и попа: «все коту масленица, попу фомин понедельник»; «Постригся кот, посхимился кот, да все тот же кот»; «Он не кот, молока не пьет, а от винца не прочь»; «Что кот, что поп — не поворча не съест»; «Это мыши кота погребают» (о притворной печали).

Имя пушкинского беса Молок, как справедливо полагают, пришло в его поэму из «Потерянного рая» Мильтона, но русское ухо неизбежно услышит в нем знак женского начала (молоко). При обнаружении беса монах называет его Мамоном («Ага, Мамон! дрожишь передо мною»). В церковном словаре слово это означает богатство, пожитки, земное сокровище, которыми бес пытается прельстить монаха («Богатства все польют к тебе рекою»). Но в разговорном языке *мамон* — брюхо, желудок; *мамонить* — соблазнять, прельщать; *мамоха, мамошка* — любовница. А избранное Пушкиным имя героя — неужели оно случайно? Едва ли это так.

---

⁷ Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв. Л., 1973. С. 157.

В Великих Четых Минеях значились два святых под именем Панкратий: летний (9 июля) и зимний (9 декабря). Оба они имели дело с бесами, а первый из них побывал и в Иерусалиме (правда, без бесовской помощи) — подвижник раннего христианства, он встречался там с апостолами Петром и Павлом. Но, кажется, Пушкин ориентировался все же на Панкратия зимнего. Вовсе не потому, конечно, что тот загнал бесов, принявших вид свиней, в пещеру и запечатал их крестом — ничто в сюжете пушкинской поэмы не предвещает подобного эпизода. Важно оценить одну деталь, означенную в тексте поэмы:

И вдруг бела, как вновь напавший снег
Москвы-реки на каменистый берег,
Как легка тень, в глазах явилась юбка... (с. 22)⁸

Здесь вспоминается начало зимы («Вновь напавший снег» — это первый в году снег, покрывающий каменистый берег реки). По народному календарю, «осень кончается, зима начинается» именно 9 декабря: «сельские хозяева по созвучию замечают, что с праздника зачатия св. Анны начинается зима»⁹. День зачатия св. Анны, матери св. Девы Марии, совпадал с днем Панкратия зимнего, 9 декабря. Панкратий становился как бы покровителем беременных женщин, которые особо почитали этот день. Вспомним, что позднее свою кощунственную поэму «Гавриилиада» Пушкин посвятит празднику Благовещения — оказывается, в его лицейском опусе намечалось уже нечто подобное. После возвращения героя из Иерусалима в келье должна

---

⁸ В. С. Листов эти строки считает намеком на праздник Покрова (1 октября). Более рискованным нам кажется его предположение о том, что в плане продолжения поэмы могла быть изображена поездка не в град Давидов, а в близлежащий Ново-Иерусалимский монастырь на Истре: Листов В. С. «Голос музы темной...» К истолкованию творчества и биографии А. С. Пушкина. М., 2005. С. 225–228.

⁹ Церковно-народный месяцеслов на Руси И. П. Калинин. М., 1990. С. 68.

была появиться уже не только юбка, но и девица. Согласно намеченной Пушкиным трактовке событий, она явится именно герою, а не прихожанам. Способен ли он выдержать такое испытание?

Близкие по времени к поэме «Монах» пушкинские стихотворения кончаются одним и тем же устойчивым мотивом:

Дай Бог, чтоб в страстном упоении,
Ты с томной сладостью в очах,
Из рук молодого Купидона,
Вступая в мрачный челн Харона,
Снул... Ершовой на грудях!
(«Князю А. М. Горчакову». I, 50)

Так поди ж теперь с похмелья
С Купидоном примиришь;
Позабудь его обиды
И в объятиях Дориды
Снова счастьем насладись!
(«Блаженство». I, 56)

Когда ж пойду на новоселье
(Заснуть ведь общий всем удел),
Скажи: «дай Бог ему веселье!
Он в жизни хоть любить умел».
(«К Н. Г. Ломоносову». I, 76)

Веселье! будь до гроба
Сопутник верный наш,
И пусть умрем мы оба
При стуке полных чаш!
(«К Пушину. 4 мая». I, 120)

«Штоф зеленой водки» у Панкратия и до того был под рукой. Оставалось дело за девицей. Возможно, в воображении Пушкина мелькала заключительная ситуация, отраженная позднее в стихотворении «Русалка» (1819). Современники иногда упоминали его под названием «Монах»:

Над озером, в глухих дубровах
Спасался некогда Монах,

Всегда в занятиях суровых,
В посте, молитве и трудах ⟨...⟩
И вдруг... легка, как тень ночная,
Бела, как ранний снег холмов,
Выходит женщина нагая
И молча села у берегов.
Глядит на старого Монаха
И чешет влажные волосы.
Святой Монах дрожит со страха
И смотрит на ее красы.
Она манит его рукою,
Кивает быстро головой...
И вдруг — падучею звездою —
Под сонной скрылася волной ⟨...⟩
Заря прогнала тьму ночную:
Монаха не нашли нигде,
И только бороду седую
Мальчишки видели в воде (II, 96—97).

Поэма «Монах» не была окончена Пушкиным и стала известна читателям спустя более столетия после ее создания. Она вполне вписывается в контекст раннего лицейского творчества поэта и отчасти проясняется этим контекстом. Монах — это вообще первая из поэтических масок, которую примеряет к себе юный поэт-лицеист, — монах, заключенный в келье, но мечтающий о радостях земных. Казалось бы, этим и исчерпывается скромная роль первой поэмы в общей эволюции пушкинского творчества.

С некоторым удивлением, однако, мы обнаруживаем, насколько часто Пушкин впоследствии возвращался по разным поводам к опыту своего юношеского сочинения. Нетрудно различить его «остаточное влияние» в «Руслане и Людмиле», в «Гавриилиаде», в «Сцене из Фауста», в «Борисе Годунове», в «Сказке о попе и работнике его Балде», в «Русалке». Но это только первый, поверхностный слой.

Во Второй кишиневской тетради (ПД 832) мы находим начало произведения:

На тихих берегах Москвы
Церквей, венчанные крестами,
Сияют ветхие главы
Над монастырскими стенами.
Вокруг простерлись по холмам
Вовек не рубленные рощи,
Издавна почивают там
Угодника святые мощи (II, 261).

Конец листа оборван, остались лишь рифмующиеся окончания третьего четверостишья: «...цариц... молитвы... девиц... битвы».

Здесь имеется в виду все тот же Савво-Сторожевский монастырь, который послужил местом действия первой пушкинской поэмы. Серьезный тон повествования не предполагает, кажется, озорного сюжета.

Мы далеки от мысли, что здесь Пушкиным предпринята попытка «перелицевать» всерьез коллизию «Монаха», но в любом случае замысел этот интересен потому, что он возникает спустя год после окончания поэмы «Гавриилиада», в период тяжелейшего духовного кризиса поэта, пытавшегося его преодолеть. Не служит ли отрывок «На тихих берегах Москвы» свидетельством таких попыток?¹⁰

С другой стороны, бесовская тема останется постоянной в творчестве Пушкина. В его графике, всегда отражающей ход подспудных, сопровождающих черновые рукописи ассоциаций, изображения бесов и ведьм, нарисованные с редкой экспрессией, столь же часты, как и знаменитые рисунки женских ножек. Именно в графике прежде всего был намечен долго волновавший Пушкина замысел о Влюбленном бесе¹¹. Следы этого замысла обнаруживают в «Ев-

---

¹⁰ Об этом фрагменте см.: Неизданный Пушкин. Вып. 1. СПб., 1996. С. 42–45.

¹¹ См.: Цявловская Т. Г. Влюбленный бес (неосуществленный замысел Пушкина) // Пушкин. Исследования и материалы. Т. 3. М.; Л., 1960. С. 101–130.

гении Онегине», «Домике в Коломне», «Пиковой даме», «Медном всаднике».

Все это свидетельствует о том, что, оказывается, уже в первом из дошедших до нас произведений Пушкин счастливо угадал едва ли не главное направление своего творчества. Озорство в интерпретации религиозных сюжетов с годами пропадет, но останется постоянным его интерес к древнерусской книжности наряду с народно-поэтическим творчеством. Через головы декларируемых им самим литературных кумиров (Парни, Вольтер, Байрон, Шекспир и другие) Пушкин постоянно будет обращаться к истокам русской культуры. Мировой художественный опыт будет преломлен в его творчестве через призму («магический кристалл») национального самосознания, что позволит ему открыть «Золотой век» русской литературы.